

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 882(092)
doi: 10.18101/1994-0866-2017-6-106-116

ЭТНОТИПОЛОГИЯ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО В ПОЭМЕ А. БЛОКА «ДВЕНАДЦАТЬ» Статья 2

© *Юрьева Ольга Юрьевна*

доктор филологических наук, профессор,
Иркутский государственный университет
Россия, 664003, г. Иркутск, ул. Нижняя Набережная, 6
E-mail: yuolyu@yandex.ru

В статье показано, что сложность, противоречивость отношения Блока к религии, к Христу явственно перекликаются с исканиями Достоевского и его героев. В своих сомнениях и исканиях Блок ориентируется не только на творчество предшественника, но и на его личный, биографический опыт, почти дословно цитируя его размышления. Исследуется «карамазовский комплекс», ставший определяющим в психологическом облике Блока, в его поведенческом модусе, в мировоззренческих установках, в свойственном поэту «нравственном максимализме». Во многом следуя Достоевскому и одновременно противореча ему, Блок утверждает, что только в огне революции может вылиться новый человек, новая культура. Показано, как в поступках, действиях, словах героев и автора поэмы предстает «живой образ» идеи «цель оправдывает средства», которую Достоевский полагал страшной и разрушительной идеей современности, пророчески предугадывая, что именно под ее эгидой будет развиваться весь XX век. По Достоевскому, человек, совершивший страшное преступление и погубивший этим свою душу, может воскреснуть, если осознает свою вину и пройдет через очистительное раскаяние. У Блока трансформация «уголовного убийства из ревности» в «идейное убийство» воспрепятствовала этому процессу в сознании Петрухи. Идея Достоевского о «русском социализме» как всемирном единении во имя Христа определила изображение вселенского масштаба событий и появление образа Христа впереди двенадцати.

Ключевые слова: Достоевский, Блок, динамика образа, идея, идейное убийство, «русский социализм».

На наш взгляд, в поэме А. Блока «Двенадцать» присутствует некий парадокс, во многом определяемый особенностями блоковского мировоззрения: при всей атеистической направленности поэмы, она пронизана Его Именем. В различных коннотациях «Имя Святое» и связанные с Ним понятия и образы упоминаются в коротком пространстве поэмы 16 раз. Исследователи обращали на это внимание, но не в полной мере поясняли этот парадокс. Отношения Блока к религии и к Христу были сложными и противоречивыми. Можно сказать, что фигура Христа была для Блока воплощением неких нравственных максим, и на разных этапах творчества, в зависимости

от тех идеологических установок, которыми руководствовался Блок, отношение к Христу менялось. Как в свое время мучился вопросом о «существовании Божиим» Достоевский, так Блок «Христом мучился», то отказываясь от Него, категорически отрицая и даже ненавидя Его, то идя к Нему, мучительно думая о Нем, мечтая написать поэму о Христе. Сущность блоковского парадоксального отношения к Христу пронизательно определил Достоевский, предупреждавший, что жажда справедливости, неприятие «мирового зла», желание помочь человечеству и ощущение собственного бессилия это сделать в юных неокрепших душах часто превращают любовь к людям в ненависть к человечеству, в отрицание Бога. Неприятие «страшного мира» у Блока, как и предупреждал Достоевский, переросло в кощунственное отрицание.

Важно, что в своих сомнениях и исканиях Блок ориентируется не только на творчество Достоевского, но и его личный, биографический опыт, почти дословно цитируя размышления Достоевского о религиозных поисках и сомнениях: «Мы — в бунте, мы много пачкались в крови. Я испачкан кровью. Раздвоение, особенно. Ведь я «иногда» и Христом мучаюсь», — писал Блок в 1904 г. [1, т. 8, с. 108]. В поэме «Двенадцать» «мучения» и поиски трансформируются в открытый бунт, бунт против Христа. «Конкретный максималист» Блок не в состоянии простить Богу того зла, что разлито в мире, не хочет простить страданий ни в чем не повинных детей, горя матерей, женских слез.

Так формируется «карамазовский комплекс», ставший определяющим в психологическом облике Блока. В поведенческом модусе поэта, в его мировоззренческих установках, в его «нравственном максимализме» явственно угадываются черты и Ивана, и Дмитрия, и Алеши Карамазовых. Мучительные религиозные искания, колебания между «есть Бог и нет Бога», подчиненность идее, обостренное чувство справедливости, привели к тому, что, подобно Ивану Карамазову, он во всех своих личностных и творческих проявлениях воплощает тезис героя Достоевского: «Я не Бога не принимаю, я мира, Им созданного, мира-то Божьего не принимаю и не могу согласиться принять» [2, т. 14, с. 214].

Как и предрекал Достоевский, революционная идея, закон «крови по совести» вытесняет веру. Слепленный ненавистью к миру сытых, поэт отрекается от Христа, он готов освятить кровь и насилие: «Старое рушится... Никогда не приму Христа... Может быть, может быть, будет хорошо, кругом много крови...», «я дальше, чем когда-нибудь, от религии. Наши пути до времени не сойдутся» [1, т. 8, с. 131, 133]. В 1918 г. Блок писал в «Исповеди язычника»: «Не знаю, надолго ли, но русской церкви больше нет... Но храмы не заперты и не заколочены; напротив, они набиты торгующими и предающими Христа, как давно уже не были набиты. Церковь умерла, а храм стал продолжением улицы. Двери открыты, посередине лежит мертвый Христос» [1, т. 5, с. 44]. Идя к фигуре Христа в конце поэмы, Блок воплощает свое убеждение в том, что в новом мире родится Новый Христос, и он — с революционным народом.

Отношение Блока к «старой церкви», к «старой вере» явственно отражается в образе «попа». «Долгополый», «невеселый» «товарищ поп» — образ резко сатирический, наполненный злым сарказмом:

Помнишь, как бывало
Брюхом шел вперед,
И крестом сияло брюхо на народ?..

В статье «Интеллигенция и революция» есть своеобразное пояснение к этим кощунственным строкам: «Почему дырявят древний собор? — Потому, что сто лет здесь ожиревший поп, икая, брал взятки и торговал водкой» [1, т. 6, с. 15].

Издевательски названный «товарищем попом», священнослужитель ставится Блоком в один ряд с ненавистным буржуем, что подчеркивается такими деталями, как «брюхо» и «крест». Реальный атрибут культового служения, крест на шее священнослужителя, коррелирует с локусом перекрестка, на котором стоит буржуй и становится символом креста, который им предстоит нести. Ненависть ослепила поэта, перепутала в его сознании понятия добра и зла, ведь в это время начиналась гражданская война, и одной из главных жертв террора становилась церковь. Оскверняются храмы монастыри, превращаясь, как предрекал Достоевский, «в стойла», в застенки и постоянные дворы. Сносятся церкви, кресты, уничтожаются чудотворные иконы, происходит глумление над святыми мощами. В кровавом месиве гибнут тысячи священнослужителей. Поэт как будто не знает и не хочет знать о том, что происходит и что произойдет с русской православной Церковью, более того, он как будто благословляет это набирающее силу богохульство: «Религия — грязь (попы и пр.)» [1, т. 7, с. 326]. В Дневнике 1918 г. Блок записывает: «Если бы в России существовало действительно духовенство, а не только сословие нравственно тупых людей духовного звания, оно давно бы «учло» обстоятельство, что «Христос с красноармейцами». Едва ли можно оспорить эту истину, простую для людей, читавших Евангелие и думавших о Нем. У нас, вместо того, они «отлучаются от церкви», и эта буря в стакане воды мутит и без того мутное (чудовищно мутное) сознание крупной и мелкой буржуазии и интеллигенции» [1, т. 7, с. 329–330]. Поистине, нужно слишком истово верить, что новый мир будет несравненно прекраснее и значимее, чтобы с такой ненавистью уничтожить мир старый, с которым Блок напрямую связывает веру, религиозные чувства народа. Карамазовское «Я не Бога не принимаю, ...я мира, Им созданного, мира-то Божьего не принимаю» [2, т. 14, с. 214] стало для Блока жизненной и творческой установкой. Отрекаясь от Христа и возвращаясь к Нему, Блок ищет ту силу, которая станет спасительной не только для него, но и для всех, кого кружит «злая вьюга».

Пронизанность поэмы Именем Бога, образами, связанными с верой, имеет и еще один аспект. К. Чуковский утверждал, что в поэме «Двенадцать» Блок выразил идею революции как истинно национальную, «русскую идею». «Он уже давно, много лет, сам того не подозревая, был певцом

революции, но не той революции, которая происходит теперь, а другой, национальной, русской, потому что, как мы видели, Россия, уже сама по себе, была для него революцией. И нынешнюю нашу революцию он принял лишь постольку, поскольку она воплотила в себе русскую национальную бунтующую душу, ту самую, которую воспел, например, Достоевский. Остальные аспекты революции остались ему чужды совершенно. Он только потому и поверил в нее, что ему показалось на одну короткую минуту, будто в этой революции — Россия, будто эта революция — народная. Для него, как и для Достоевского, главный вопрос: с Богом ли русская революция, или против Бога» [3, с. 121–122]. Парадокс поэмы состоит еще и в том, что, отрицая Бога, стреляя в Святую Русь, двенадцать Блока всегда остаются с Ним. Свет для них не «белый», а «Божий», они жаждут благословения Господа на «мировой пожар в крови», в испуге Петька призывает на помощь «Спаса», убийца тоскует: «Упокой, Господи, душу рабы твоея», но это уже их «Бог», их «Господь», их «Христос». Парадокс этот разрешается, если понимать, что в поэме Блока явственно выразились мысли Достоевского о том, что русский народ может не знать в подробностях Евангелие, основных правил веры, но при этом «сердечное знание Христа и истинное представление о Нем существует вполне. Оно передается из поколения в поколение и слилось с сердцами людей. Может быть, единственная любовь народа русского есть Христос, и он любит образ Его по-своему, то есть до страдания <...> Повторю: можно очень много знать бессознательно» [2, т. 21, с. 38].

Искания Блока явственно перекликаются с размышлениями Достоевского, писавшего о жажде нового, свойственной для порубежного времени: «Народ. В народе потребность *чего-то нового*, нового слова, нового чувства, потребность порядка нового» [2, т. 27, с. 43].

Свою поэму Блок писал, как он сам признавался, «в согласии со стихией». Он верил, что революционное разрушение может превысить созидание, так как в состоянии «аффекта пробудившейся воли» нельзя соизмерить с правилами силу удара.

Блок оглашает революционный приговор Святой Руси, ассоциируя ее со «страшным миром», не жалея ее потому, что уверен — на ее месте возникнет новый мир, устроенный по другим правилам и законам. Ради появления этого нового мира нужно разрушить старые устои — в этом Блок был убежден: «Требуется длинный ряд *антиморальный*, — заявляет поэт, — ...требуется *действительно* похоронить отечество, честь, нравственность, право, патриотизм и прочих покойников, чтобы *музыка согласилась помириться с миром*» [1, т. 7, с. 329]. После разрушения должна прийти эпоха «созидательной деятельности большевизма», в которую Блок верил: «Крылья у народа есть, а в умениях и знаниях надо ему помочь» [1, т. 7, с. 321].

Во многом следуя Достоевскому и одновременно противореча ему, Блок утверждает, что только в огне революции может выплавиться новый человек, новая культура и поистине восстать Христос. В поэме «Двенадцать» нашло свое художественное воплощение пророчество Достоевского: «И вот надругаться над такой святыней народною, разорвать тем со своей

землей, разрушить себя самого во веки веков для одной лишь минуты торжества отрицанием и гордостью — ничего не мог выдумать русский Мефистофель дерзостнее! Возможность такого напряжения страсти, возможность таких мрачных и сложных ощущений в душе простолюдина поражает! И заметьте, все это возросло почти до сознательной идеи» [2, т. 21, с. 38].

Как показывает дальнейшее развитие поэтической идеи поэмы, организующим началом становится музыка революции, вносящая в движение двенадцати определенный ритм. Объединяющим, организующим началом становится именно совместное движение, «революционный шаг» людей, объединенных в «красную гвардию»:

Как пошли наши ребята
В красной гвардии служить –
В красной гвардии служить –
Буйну голову сложить!

Эпичность, органичность процесса подчеркивается лексикой и ритмом плясовой народной песни и идиомой «буйна голова», что подчеркивает героическую, богатырскую подоплеку происходящих событий и участвующих в них двенадцати.

Мы на горе всем буржуям
Мировой пожар раздуем,
Мировой пожар в крови –
Господи, благослови!

Частушечно-плясовая ритмика главы как бы соткана из звуков, которыми был наполнена гуляющая и празднующая улица. И тем более зловеще звучит последняя строфа, в которой перед нами предстает «живой образ» идеи «**цель оправдывает средства**», которую Достоевский полагал самой страшной и разрушительной идеей современности, пророчески предугадывая, что именно под ее эгидой будет развиваться весь двадцатый век. Какого Господа призывают себе на подмогу объятые жаждой крови люди? Того, которого только что «пальнули» из австрийского ружья? На что должен благословить их Господь? На кровь и уничтожительный огонь? Это ли не подмена понятий, происходящая в охваченном жаждой уничтожения сознании? Здесь мы видим отклики большевистской идеи «мировой революции», коррелирующей с началом поэмы, в котором заявлен вселенский масштаб происходящих в России событий. И это не поэтическая метафора, это убеждение Блока в том, что великая объединительная миссия России, о которой говорил Достоевский, заключается именно в распространении идей народной революции. В Дневнике 1918 г. Блок записывает: «Только — полет и порыв; лети и рвись, иначе — на всех путях гибель. Может быть, весь мир (европейский) озлится, испугается и еще прочнее осядет в своей лжи. Это не будет надолго. Трудно бороться против «русской заразы», потому что — Россия заразилась уже Здоровьем человечество. Все догматы расшатаны, им не вековать. Движение заразительно» [1, т. 8, с. 107].

Убийство Катьки становится переломным моментом в динамике собирательного образа двенадцати. Из одноликой толпы выделяется конкретный, личностный образ — Петруха. Убивший в пылу погони свою возлюбленную, Петруха вначале солидарен с восклицаниями двенадцати: «Что, Катька, рада? / — Ни гу-гу... / Лежи ты, падаль, на снегу». Из его уст звучит зловещая угроза расправы, адресованная сбежавшему Ваньке: «Ужо, постой, / Расправлюсь завтра я с тобой».

Следующая глава — 7-я, и это не случайно. Согласно нумерологии, число 7 — это число человека, составляющее в своей сумме сакральное число 3 и материальное 4 — как знак онтологической двойственности человеческой природы, соединяющей материальное (тело) и идеальное (душа) начала. Блок искренне верил, что в огне и крови революции должен родиться новый человек. Вслед за Достоевским он полагал, что даже совершивший страшное преступление и погубивший этим свою душу, человек может воскреснуть, если осознает свою вину, пройдет через муки совести, очистительное раскаяние, наказание и прощение. В 7-й главе мы видим, что именно такой шанс судьба дает Петрухе. Прошло время, утих запал погони, и Петруха искренне осознает свою вину, жалеет о содеянном, не может забыть о своей непутевой и загубленной им возлюбленной: «Загубил я, бестолковый, / Загубил я сгоряча... ах!».

Казалось бы, еще один шаг — и Петруха начнет движение по этому сложному, но спасительному пути от преступления к спасению и воскрешению. Но на страже стоят его товарищи. Их увещевания, обращенные к личностному началу — мужскому самолюбию («Что ты, Петька, баба что ль?»); «Поддержи свою осанку! / Над собой держи контроль!») Петруху, не утешили. Утешительное, «отрезвляющее» воздействие возымели лишь слова:

– Не такое нынче время,
Чтобы нянчиться с тобой!
Потяжеле будет время
Нам, товарищ дорогой!

Личные потери, личное горе, убийство одного, даже дорогого человека, ничего не стоят по сравнению с теми задачами, которые ставит перед собой революция. Впереди — новые, еще более тяжелые потери. Но главное — найдено оправдание. Так, убийство Катьки из уголовного преступления из ревности переводится в ранг убийства по идейным соображениям, того самого «идейного убийства» (Д. Мережковский), которое Достоевский толковал как самое страшное преступление, ибо идея, как показал писатель, может оправдать любое, даже самое тяжкое преступление, избавляя убийцу от осознания и признания вины.

И Петруха замедляет
Торопливые шаги...
Он головку скидывает,
Он опять повеселел...

Ожидаемого раскаяния, а следовательно, и возрождения через страдания не произошло. Но если после преступления не произошло возрождения, значит произойдет окончательное падение, духовная и нравственная гибель, о чем и говорят следующие строки:

Эх, эх!
Позабавиться не грех!
Запирайте этажи,
Нынче будут грабежи!

Как может позабавиться необразованный, охваченный темными инстинктами и ненавистью, опьяненный безнаказанностью «охлос»? Только пьянством и грабежами: «Отмыкайте погреба — / Гуляет нынче гольтьба».

Достоевский когда-то точно предсказал эту коллизию блоковской поэмы: «У миллионов демоса (кроме слишком немногих исключений) на первом месте, во главе всех желаний, стоит грабеж собственников. Но нельзя винить нищих: олигархи сами держали их в этой тьме и до такой степени, что, кроме самых ничтожных исключений, все эти миллионы несчастных и слепых людей, без сомнения, в самом деле и наивнейшим образом думают, что именно через этот-то грабеж они и разбогатеют и что в тот-то и состоит вся социальная идея, об которой им толкуют их вожак. Да и где им понять их предводителей мечтателей или какие-либо пророчества о науке? Тем не менее они победят несомненно» [2, т. 22, с. 86]. 11 июня 1919 г. Блок запишет в дневнике: «Никто ничего не хочет делать. Прежде миллионы из-под палки работали на тысячи. Вот вся разгадка. Но почему миллионам хотеть работать? И откуда им понимать коммунизм иначе, чем — как грабеж и картеж» [1, т. 7, с. 367].

Пьяный разгул как основной модус поведения толпы Блоком показан, но явно не осмыслен. А между тем в этом описании читается тревога и скорбь Достоевского, размышлявшего о пьянстве как одной из главных «самоистребительных» и страшных национальных черт русского народа. С горечью Достоевский размышлял о «торопливости и стремительности», «с которою русский человек спешит иногда заявить себя, в иные характерные минуты своей или народной жизни, заявить себя в хорошем или поганом. Иногда тут просто нет удержу. Любовь ли, вино ли, разгул, самолюбие, зависть — тут иной русский человек отдается почти безвозвратно, готов порвать все, отречься от всего, от семьи, обычая, Бога» [2, т. 21, с. 35].

Гульба, грабежи, безнаказанные убийства не спасают от ощущения пустоты, не заполняют тот вакуум, который образуется после того, как человек губит свою душу бессмысленным и жестоким преступлением и пьяным разгулом, отрекается не только от веры, но и от всего, что делает человека человеком. Одно преступление влечет за собой другое: «Ужь я ножичком / Полосну, полосну!..».

Многие обвиняли Блока в том, что он первым в русской литературе принял «идею ножа», допускающую насилие вооруженного над безоружным, и тем самым открыл дорогу жестокой «романтической идеологии»

1920–1930-х гг. с ее пафосом жестокости и насилия, оправдываемых классово-вой борьбой. Но было в этом и другое — не воспевание насилия, а пророчество о нем. Со страшных слов «Уж я ножичком полосну, полосну!» начал Блок писать свою поэму. Так, задолго до начала гражданской войны Блок предсказал ее неизбежность. Ведь среди константных символов русской культуры — меча, ножа и топора, символ ножа всегда означал братоубийственную бойню. Впервые в этом значении символ ножа появился в «Повести временных лет», в рассказе «Об ослеплении Василька Теробовльского». Под годом 1097-м летописец помещает рассказ о съезде князей, который организовал Владимир Мономах, чтобы прекратить междоусобицы. Но после того, как князья «крест целовали» и поклялись «каждый владеть вотчиной своей», произошло страшное злодеяние против удачливого князя, в котором многие князья видели опасного соперника. Летописец особенно подчеркивает, что ослепили Василька ножом. Узнав об этом злодеянии и поняв, что Русь опять охватят междоусобные войны, Владимир Мономах с горечью воскликнул: «Уже брошен в нас нож». И далее в поэме Блока мы видим, как действует эта «логика ножа»:

Ты лети, буржуй, воробышком
Выпью кровушку
За зазнобушку,
Чернобровушку...

Вот так: за убитую им Катю Петруха мстит своему сопернику — Ваньке. «Буржуй»-Ванька заплатит своей кровью не за то, что стал классовым врагом, а за то, что, как и тот, не «ушедший от ножа» офицер, стал соперником Петрухи. «Упокой, Господи, душу рабы твоя. / Скучно!».

Блок как будто надеется, что, пройдя через преступления, пролив кровь «от скуки», новый человек обретет смысл существования. В 10-й главе перед нами возникает уже не образ толпы, а идущий «революционным шагом» «рабочий народ». Что же сплотило толпу, что вывело «шайку убийц и грабителей» на новый уровень? Несомненно, это идея. Только она смогла сплотить, подчинить единой цели это движение по кругу. Организующая сила этой идеи имеет, по Достоевскому, inferнальное происхождение. В романе «Преступление и наказание» писатель именуется охватившую Раскольникова идею убийства «чертом», «бесом», а свой роман о русской революции он называет «Бесы». Эти inferнальные, демонические стихии поглощают и двенадцать: «Снег воронкой завился, / Снег столбушкой поднялся...». Причем сила этой идеи определяется еще и тем, что под нее уже «кровь подтекла» (Ф. М. Достоевский). После опасливого обращения Петрухи к Спасу товарищи напоминают ему о совершенном преступлении: «Али руки не в крови / Из-за Катюхиной любви?».

Изображенная Достоевским в романе «Бесы» коллизия, когда для легкого управления людьми и их безропотного подчинения все они приобщаются к убийству, «пачкаются в крови» и потому теряют моральное право осуждать, а уж тем более, говорить о совести, реализуется в поэме Блока.

Вот почему так зловеще звучат строки: «Шаг держи революционный / Близок враг неугомонный». Заканчивается глава ритмичными строками: «Вперед, вперед, вперед, / Рабочий народ!».

Перед нами уже не бредущая через пургу толпа похожих на каторжников «товарищей», а организованный стихией революции отряд. Но самое страшное, что организующей силой является вовсе не та сила, о которой грезил Блок:

... И идут без имени святого
Все двенадцать — вдаль.
Ко всему готовы,
Ничего не жаль...

Растоптаны, расстреляны и разрушены все святыни, но образ двенадцати претерпевает существенные изменения: «Вдаль идут державным шагом». Так, за несколько лет до образования великой державы под названием Советский Союз, Блок угадал направление этого сплоченного и направляемого идеей движения. И пусть за ними идет символ «страшного мира», старых заблуждений, пороков и ошибок — «голодный пес», но впереди — «Исус Христос». Так поэт хотел освятить революцию, придать ей статус очистительной силы, спасающей мир и человека. Но тогда нужно ответить на вопросы: может ли Спаситель нести «кровавый» флаг? Может ли «сын человеческий» одновременно быть «невидимым» и «невредимым» «от пуль»? Ведь однажды он уже принял смерть во имя спасения человечества и умер, как сын человеческий, в мучениях, на кресте. И почему такой пошлой легкостью отдают строки: «Нежной поступью надвьюжной, / Снежной россыпью жемчужной...»?

И не является ли насмешкой над терновым венцом, изъязвившим чело Спасителя страшными ранами, нелепый «белый венчик из роз»? И почему Блок написал не каноническое имя «Иисус», а просто «Исус»? Как будто в последний момент что-то остановило великого поэта: а Иисус ли это? А не тот ли это, кто, приняв его облик, как и предсказано в Библии, пришел в мир, чтобы окончательно погубить человека, соблазнив его «идеями-заманками» (Ф. М. Достоевский)? Блок явно догадывался об этом. В дневнике 1918 г. он записывает: «Страшная мысль этих дней: не в том дело, что красногвардейцы «недостойны» Иисуса, который идет с ними сейчас; а в том, что именно Он идет с ними, а надо, чтобы шел Другой» [1, т. 7, с. 326].

Но в то время, когда создавалась поэма, Блок искренне верил, что русская революция — это начало преображения «на всем Божьем свете», что наступает то время, когда зарождается новая общность людей свободных, сильных, целеустремленных. Что русская революция — только начало: «Мы на горе все буржуям / Мировой пожар раздуем», и скоро «на всем Божьем свете» жизнь «станет справедливой, чистой, веселой и прекрасной жизнью» [1, т. 8, с. 12]. В образе Христа, которого Блок хотел видеть впереди двенадцати, явственно просматривается подспудное следование заветам и идеям Достоевского, который утверждал: «Не в коммунизме, не в механических формах заключается социализм народа русского: он верит, что спасется

лишь в конце концов *всесветным единением во имя Христово*. Вот наш русский социализм!» [2, т. 27, с. 19]. Идея Достоевского о «русском социализме» как *всесветном единении во имя Христово* определила концептуальное наполнение поэмы, изображение вселенского масштаба событий и появление образа Христа, возглавляющего торжественное шествие двенадцати. Блок как будто отвечает своей поэмой на завет Достоевского: «Повторяю: судите русский народ не по тем мерзостям, которые он так часто делает, а по тем великим и святым вещам, по которым он и в самой мерзости своей постоянно вздыхает. ...А если притом и так много грязи, то русский человек и тоскует от нее всего более сам, и верит, что все это — лишь наносное и временное, наваждение дьявольское, что кончится тьма и что непременно воссияет когда-нибудь вечный свет» [2, т. 22, с. 43].

Блок был убежден, что «Великий октябрь» — это начало нового мира, что старой России «уже не будет», что «мир уже перестроился», что «старый мир» «уже расплавился» [1, т. 7, с. 329–330]. Блок, как и Достоевский, искренне верил, что когда-нибудь «с такою же силою, с такою же стремительностью, с такою жаждою самосохранения и покаяния русский человек, равно как и весь народ, и спасает себя сам, и обыкновенно, когда дойдет до последней черты, то есть когда уже идти больше некуда. Но особенно характерно то, что обратный толчок, толчок восстановления и самоспасения, всегда бывает серьезнее прежнего порыва — порыва отрицания и саморазрушения», что «в восстановление свое русский человек уходит с самым огромным и серьезным усилием, а на отрицательное прежнее движение свое посмотрит с презрением к самому себе» [2, т. 21, 35–36]. Веру Блока в созидательные силы русского народа можно выразить словами Достоевского: «... в последний момент вся ложь, если только есть ложь, выскочит из сердца народного и станет перед ним с неимоверною силою обличения. ... Себя и нас спасет, ибо опять-таки — свет и спасение воссияют снизу...» [2, т. 21, с. 41]. «Крылья у народа есть, — утверждал поэт, — а в умениях и знаниях надо ему помочь» [1, т. 7, с. 321].

Литература

1. Блок А. А. Собр. соч.: в 8 т. М.; Л.: Худож. лит., 1960–1963.
2. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
3. Чуковский К. Книга об Александре Блоке. Paris: Ymka-Press, 1976. 169 с.

FYODOR DOSTOYEVSKY'S ETHNOTYPOLOGY
IN THE POEM "THE TWELVE" BY ALEKSANDR BLOK
Article 2

Olga Yu. Yuryeva
Dr. Sci. (Philol.), Prof.,
Irkutsk State University,
6 Nizhnyaya Naberezhnaya, Irkutsk 664003, Russia

The article shows that the complexity and inconsistency of Blok's attitude to religion, Christ clearly echoes with the aspirations of Dostoevsky and his characters. Blok in his doubts and searching focuses not only on Dostoevsky's work, but on his personal, biographical experience, almost literally quoting the reflections of Dostoevsky. We study "the Karamazov complex", which has become the determining factor in Blok's psychology, behavior, world outlook, "moral perfectionism" inherent to the poet. Following Dostoevsky in many respects and simultaneously disagree with him, Blok argues that new people and new culture can rise up only in the fire of revolution. It has been shown that in actions, words of the characters and author of the poem a "living image" of the idea "the end justifies the means" is brought to life, Dostoevsky believed it to be the most terrible and destructive idea of the present, prophetically foreseeing that entire 20 century will be developed under its aegis. According to Dostoevsky, a person who committed a terrible crime and ruined his soul can rise again if he would realize his guilt and pass through purification repentance. As for Blok, transformation of "criminal murder for motive of jealousy" into "ideological murder" prevented this process in the mind of his character Petrukha. Dostoevsky's idea of "Russian socialism" as a world unity in the name of Christ determined representation of the universal scale of events and appearance of Christ image ahead of the twelve.

Keywords: Dostoevsky; Blok; dynamics of the image; idea; ideological murder, "Russian socialism".